

АБХАЗСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАВЕДЕНИЯ

А. Р. ФАДЕЕВ

И ВОПРОСУ
О ФЕОДАЛИЗМЕ В АБХАЗИИ

ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
ДВИЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РАЙОНА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АБХАЗСКОГО И АНДРЕЯ А. ИЩЕ

ОКРУЖ

1961

А. В. ФАДЕЕВ

К ВОПРОСУ О ФЕОДАЛИЗМЕ В АБХАЗИИ

[ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1930 ГОДА]

Д. З. Зидвадзе
М. М. Мамиев, А. И. Ишкеев

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТ «СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ» И «АПСНЫ КАШ»

СУХУМ

1931

Предисловие

Тоненькой, необъемистой книжечкой тов. **Фадеева** впервые заложен серьезнейший и прочный фундамент начала марксистско - ленинского изучения истории Абхазии.

Четкая целевая установка, последовательно - методическая расстановка материала, диалектико - исторический метод исследования, материалистическо - монистическое понимание и трактовка цельного исторического процесса делают труд тов. **Фадеева** интересным не только как результат самостоятельной первичной попытки марксистского изложения истории Абхазии, но и вообще как образец научно - теоретической работы революционной историографии.

Маленькое исследование тов. **Фадеева** жестоко и классовой мстью направляется не только вообще со всеми а ля историками Абхазии — противоречивыми, наивными рассказчиками, но и главное его политическое острие направлено против буржуазных писак и в особенности против ныне здравствующих «историописателей» Абхазии — Ашхацава, Кудрявцев и др., которые, выхолостив классовую сущность истории, всовывают читателю путанную, глупую историческую сказку — о церковно - монастырской билиберде и о абхазских царях Аюсах, Гозарах и Финиктиосах, которые тем самым совершенно закрыли темным мраком основные, движущие силы истории, но с претензией сделаться даже «настоящими детьми прошедшего и родителями будущего» — Ашхацава.

Чрезвычайная трудность работы составления истории Абхазии, разумеется, не дает возможности охватить сразу весь конкретный исторический материал по затронутому вопросу, о котором и автор говорит в своей объяснительной записке.

Дальнейшая работа как автора данной книжки, так и членов А. О. И. М. должны развить эту тему и вообще создать марксистско - ленинскую историю Абхазии, не только доисследованием архивных материалов и исторических документов, но и устной историей из гущи самой трудящейся массы абхазцев.

Книга имеет особенно большую ценность и в связи с необходимостью выполнения директивы ЦК ВКП(б) о изучении истории народов СССР.

Работа не из легко прорабатываемых.

Чтобы читать ее, нужно иметь хотя бы элементарную ориентировку в

основных методологических установках марксизма по анализу исторических проблем.

Но тем не менее, теоретико - практический интерес, боевой и волево-воодушевляющий дух, классово - политический принцип историка - марксиста и живой, красивый язык сделают ее доступной не только узкому кругу специалистов и школ повышенного типа, но и широкой читательской массе рабочих и колхозников.

Необходимость ее перевода на абхазский язык уже продиктована жизнью.

**Зав. сектором науки, литературы и искусств Наркомпроса
АССР Абхазии М. ДЕЛБА.**

17 декабря 1931 года.

Гор. Сухум.

От автора

Настоящая работа основана, главным образом, на материалах, собранных научно - исследовательской экспедицией Абхазского Научного Общества летом 1930 года.

Эта экспедиция была организована АбНО по сбору материалов по этнографии и истории Абхазии под руководством известного краеведа **С. П. БАССАРИЯ**.

Экспедиция двигалась по двум маршрутам:

1) Гудаутский район: сел. Блабурхва — Отхара — Джирхва (Хуап) — Лыхны — Дурини — Ачандары — Анухва — Псырцха.

2) Кадорский район: сел. Тамыш — Кутол — Джгерды — Чилоу — Тхина — Покуаш — Река — Атара.

В виду отсутствия письменной истории Абхазии, беседы со столетними стариками по методу перекрестного опроса, сведения, обнаруженные в сельсоветах, участие на сельских сходах и праздниках, документы, найденные у отдельных крестьян (выкупные грамоты) дали богатый историко - этнографический материал.

Обработка и сопоставление этих материалов с архивными данными (Центроархив ССР Абхазии) и старыми изданиями грузинских и русских источников по абхазской истории (в кабинетах истории Комкадемии СССР, КУТВ, Государственной библиотеке ССР Грузии и др.) дали возможность автору изложить их в двух работах: 1) «К вопросу о феодализме в Абхазии» и 2) «Крестьянская реформа в Абхазии». Обе эти работы приняты к изданию Абхазским Научно - Исследовательским Институтом Краеведения.

Автор предупреждает, что предлагаемая работа об абхазском феодализме является лишь конспективным изложением далеко не полного материала на эту тему с целью сделать попытку марксистско - ленинского анализа одного из важных периодов истории Абхазии.

Несомненно, что дальнейшие исследования внесут дополнения и ряд фактических изменений в эту работу.

Но это лишь укрепит существо исторической схемы этой работы, направленной против идеалистических и шовинистических построений в области истории Абхазии.

Хронологически эта работа доводит читателя до начала хозяйствования и политического закабаления Абхазии российским «военно - феодальным»

империализмом (Ленин), так как этот период — есть период разложения абхазского феодализма на основе развития товарного хозяйства, период крушения феодальной системы в Абхазии и будет освещен в следующей работе «Крестьянская реформа в Абхазии».

Одновременно, в главе о «Происхождении (генезисе) абхазского феодализма» автор не касается вопроса о происхождении абхазов, как нации, так как выходит за рамки данной работы. Однако, необходимо предупредить, что наиболее верное решение вопроса о появлении абхазов на территории современной Абхазии дает яфетическая теория, которая рассматривает абхазов, как ветвь яфетических (собственно кавказских) народов, пришедших из глубин Передней Азии.

Автор выражает благодарность участникам экспедиции 1930 года: **С. П. Бассария, М. Гочуа и Джото Ашуба**, помощь которых в собирании материалов и в разрешении некоторых спорных вопросов в значительной степени определила судьбу появления в свет настоящей работы.

По техническим причинам абхазские термины переданы русскими буквами, что подчас варварски искажает слова, приведенные из абхазского языка.

С этим приходится, к сожалению, мириться, так как причины этого действительно объективны и не зависят от воли и желания автора, стоящего на точке зрения жестокой критики искажения абхазской терминологии в работах, изданных на русском языке.

І. Введение

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ

Строительство социализма в СССР на развалинах низвергнутого капиталистического строя требует изучения не только разрушенных пролетарской революцией капиталистических, но и до-капиталистических форм общественного развития.

В первую очередь стоит необходимость изучения феодализма, так как нет сомнения в том, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества» (Карл Маркс, «Капитал», т. I, стр. 357).

Кроме того, за пределами СССР рабочие и крестьяне ведут сейчас ожесточенную борьбу за социализм и в этой борьбе их врагом является не только буржуазия, но и оставшиеся на исторической арене, порой весьма могущественные, представители старых классов отживших до-капиталистических общественных формаций — помещики, крупные землевладельцы-феодалы и полуфеодалы.

«До сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизма, феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»... (Л е н и н — соб. соч., т. XIX, стр. 17).

Эти «могучие остатки средневековья» особенно сохранились в странах Востока, где они являются серьезным препятствием для развития пролетарской революции. Об этом достаточно ясно говорит и «Программа Коминтерна» (Глава «Борьба за мировую диктатуру пролетариата и основные типы революции»). Таким образом, очевидно, что вопросы изучения до-капиталистических форм общественного развития есть актуальные вопросы нашей политической жизни. Последние годы марксистско-ленинская научная мысль уделяла не мало внимания этим вопросам. Стоит лишь вспомнить дискуссию с троцкистами о характере китайской революции, отрицавшими существование феодализма в Китае, возрождавшими старую анти-марксистскую теорию «торгового капитализма» Богданова и Рожкова.

Стоит лишь указать на оживленный горячий спор в ИКП и в Комкадемии по поводу книги С. М. Дубровского (С. Дубровский — «К вопросу об сущности азиатского способа производства и пр.». М. 1930), сущность выс-

тупления которого сводилась к ревизии взглядов Маркса и Ленина на переход от феодального общества к капиталистическому, на историческое место и роль феодализма, как особой, общественно - экономической формации. Можно также указать на дискуссию вокруг книги Д. М. Петрушевского — «Очерки из экономической истории средневековой Европы», воскресившего теории буржуазных историков типа Дюпона и др.

Все это говорит о важности изучения феодализма для выработки правильного понимания ряда боевых вопросов нашей современности.

Но особенно актуален вопрос изучения феодализма в условиях Абхазии. Здесь политическое значение этого вопроса выступает с неоспоримой остротой. Революционный вихрь 4 марта 1921 года разрушил старые устои в Абхазии, которая до этого на протяжении ряда десятилетий была по существу колонией российского капитализма, а затем «вотчиной» грузинской национальной буржуазии.

Но советизация Абхазии встретила сопротивление не только со стороны местной буржуазии, но также и со стороны абхазских князей и дворян-помещиков и феодалов.

На первых же порах социалистическое строительство в Абхазии натолкнулось на целый ряд трудностей именно в виду наличия «могучих остатков средневековья». Эти остатки сохранили подчас свою силу и до наших дней. Еще осенью 1929 года ЦК КП(б)Г в своем постановлении об абхазской организации ставит перед ней, как одну из основных задач: «ликвидацию остатков помещичье - дворянского землевладения и их экономического влияния».

Этот же вопрос нашел отражение в резолюции XII всеабхазской конференции КП(б)Г, которая отметила, что «решительное проведение... важнейших мероприятий партии по развертыванию наступления на капиталистические элементы и ликвидации остатков помещичье - феодальных отношений в деревне неизбежно привели к обострению классовой борьбы...»

и одновременно указала, что очередной задачей абхазской организации КП(б)Г является

«... полное искоренение феодально-помещичьих отношений в деревне».

Этого достаточно, чтобы не сомневаться в том, насколько актуальна проблема феодализма в Абхазии. Марксистско - ленинское изучение абхазского феодализма поможет быстрее ликвидировать «остатки средневековья» в Абхазии, гнездящиеся в сельском хозяйстве, общественной жизни и крестьянском быту.

Исследование феодализма в Абхазии представляет не только теоретический интерес, но является одним из боевых вопросов сегодняшнего дня реконструктивного периода.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Нет более ложного, идеалистического, анти - марксистского методологического построения в области истории, как утверждение и провозглашение самобытности, исключительной оригинальности, путей исторического развития какого-либо народа.

Каждый народ проходит определенные ступени общественного развития. Это, конечно, отнюдь не значит, что история народа А является фотографически точной копией истории народа В.

Так могут рассуждать лишь узколобые механисты и метафизики. Диалектика же исторического процесса учит, что общим для всех является основное направление и способ производства, но скорость развития и формы социально - экономического строя могут быть различны.

Феодализм, как определенную общественно - экономическую формацию, переживали почти все современные народы, но это не значит, что французский феодализм IX—XII веков ни чем не отличался от русского феодализма XII—XV в. в.

Провозглашение самобытности истории какого-либо народа обычно является козырем в руках буржуазного шовинизма.

Мы имеем, например, теории самобытного развития Грузии среди грузинской буржуазной профессуры, среди социал - шовинистов из лагеря Ноя Жордания.

Мы имеем гипотезы (правда не всегда оформленные) относительно самобытности абхазской истории среди представителей абхазской дворянско-буржуазной интеллигенции.

Среди известной части абхазской интеллигенции, кстати учившейся чаще всего у русских националистически настроенных историков, существует методологическая тенденция к созданию теории об исключительной миссии абхазского народа в обще-кавказской истории, тенденция к замазыванию классовой борьбы в Абхазии и т. п.

Кстати, довольно сильно мнение, что Абхазия не переживала «настоящего феодализма», что феодальные отношения были внесены в Абхазию на штыках солдат русским царизмом.

Разбить это двусмысленное мнение, по существу отрицающее существование абхазского феодализма, необходимо в целях уяснения общей картины абхазской истории. Поэтому исследование абхазского феодализма имеет две основных задачи:

- 1) установить, что Абхазия переживала эпоху феодализма,
- 2) показать своеобразие и особенности абхазского феодализма.

Маркс говорил: «чтобы правильно судить о феодальном производстве, надо рассматривать его, как способ производства, основанный на антагонизме.

Нужно показать, как создавалось богатство в этой основанной на антагонизме среде, как параллельно с развитием борьбы классов развивались производительные силы...» (Карл Маркс — «Нищета философии», стр. 117).

Для того, чтобы следовать этому методологическому указанию Маркса, надо прежде всего установить, как понимает коммунистическая историческая наука феодализм, как общественно - экономическую формацию.

Феодализм, как особый способ производства, характеризуется тем, что:

- 1) мелкий производитель (крестьянин) непосредственно владеет средствами производства,
- 2) прибавочный продукт (феодалная рента) путем внеэкономического принуждения присваивается феодалом,

3. хозяйство в целом носит по преимуществу натуральный характер.

Феодализм, как социально - политический строй характеризуется:

- 1) господством класса феодалов,
- 2) раздробленностью и слабостью государственной власти,
- 3) нерархией социальных отношений.

Если диалектический подход к явлениям обнаружит, что эти основные моменты имели место в абхазской истории, то это позволит разрешить поставленные выше задачи исследования феодализма в Абхазии.

II. Генезис абхазского феодализма

РОДОВОЙ СТРОЙ У АБХАЗОВ

На основании данных римских и византийских писателей (Арриан, Прокл Кесарийский и др.) мы можем смело утверждать, что в первых веках эры абхазы уже занимали территорию современной Абхазии.

Разрозненные и недостаточные сами по себе данные абхазской истории, будучи наполнены сравнительными историческими сведениями из жизни соседних народов Западного Кавказа, позволяют установить, что в эту эпоху Абхазия переживала фазу родового строя.

Родовая организация, изученная в Дагестане, Черкессии, Кабарде и др. знаменитым исследователем М. Ковалевским (труды которого, кстати, высоко ценил Энгельс), без сомнения, существовала и у абхазов.

Сохранившиеся в абхазском языке термины («абипара», «араква» и др.), повидимому, соответствуют понятиям «тэхум» (Дагестан), «ачих» (Черкессия), т. е. являются наиболее приближенным определением рода и родовой общины.

К сожалению, абхазская родовая община еще ждет своих исследователей, и сейчас может быть весьма спорным применение тех или иных терми-

нов, но нет сомнения, что развитие родового строя в Абхазии в основном шло теми же путями, что и других народов Кавказа.

В экономическом отношении родовая община, объединявшая несколько ближайших по родству семей («атаацхва»), представляла хозяйственную ячейку в 20—30 человек, которая занималась по преимуществу скотоводством.

Скот (тогда, главным образом, мелкий — овцы и козы) выгонялся на общее родовое пастбище.

(И сейчас еще отдельные фамилии в Абхазии имеют свои, издавна принадлежащие им, пастбища — «рышьха»).

Земледелие только еще зарождалось и существовало больше всего в форме огородничества.

Вся земля, таким образом, была собственностью рода.

Только впоследствии на прибрежных равнинах, по мере роста земледелия, отдельные семьи расчищали небольшие участки из под леса и кустарника, становившиеся их владением в отличие от общеродового владения пастбищами.

Хозяйственное право этих семей прекрасно изучено у черкесов М. Ковалевским, который говорит:

«земля — достояние рода, но это не препятствует выделению участков в пользование дворовых общин (отдельных семей. А. Ф.)» (М. Ковалевский — «Родовой быт». 1905 г., стр. 289).

Социальная жизнь родовых общин была основана на принципах «примитивной демократии». Во главе рода стояли, наиболее опытные в экономическом и бытовом отношении, старейшины («рапхя-гылаю»).

Главнейшие вопросы общественной жизни решались на обще-родовых сходах открытым и шумным выражением мнения большинства членов рода.

Кстати, еще и сейчас в Абхазии сельские сходы сохранили много характерных черт этих родовых собраний. Еще и сейчас нередко на сходе в центре круга, под сенью вековых «священных» деревьев, рассказываются старики—представители разных фамилий, а за каждым из них группируются их однофамильцы («ижьла»), единодушно поддерживающие своего рапхя-гылаю.

Внутренняя жизнь и быт носили в эту эпоху отпечаток первобытных воззрений и были опутаны сетью всевозможных обычаев, традиций, суеверий, примет и т. п., многие из которых сохранились и до наших дней: кровная месть (ашяура), запретные дни (цасим) и др.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

С течением времени, по мере роста производительных сил (земледельческая техника и возникновение рабства — использование труда военно-

пленных), с расширением пастбищ и, особенно, возделываемых полей, сближались владения и хозяйственные территории различных родов семей, следствием чего появилось образование новой **сельской** общины («акыта»), которая была одной из «первоначальных форм общества от Индии до Ирландии». (Маркс и Энгельс — «Коммунистический манифест»).

Процесс образования сельской общины в Абхазии подтверждается современным характером расселения крестьян во многих местностях Гудаутского и Кодорского районов. Примером может служить сел. Дуриши, подразделяющееся на несколько поселков, в каждом из которых живут семьи одной фамилии — Гунба, Тарба, Таркил и др.

Очевидно, что в Абхазии образование сельской общины не устранило совершенно родовую организацию: родовое управление, родовые обычаи и традиции надолго вжились в социально - экономическую систему сельской общины, особенно в районах с сильно развитым скотоводством.

Многие формы родового строя сохраняли свою силу и при феодализме, а некоторые из них в виде пережитков сохранились и сейчас.

Существование родовой и сельской общины наблюдается не только в Абхазии, но и в Дагестане, где, на-ряду с родовым союзом (тохум), существовала и сельская организация («джемаат»), и в Черкессии, где эти формы соответственно назывались «ачих» и «псухо».

В сельской общине хозяйственной единицей уже становится дым («атзы»), т. е. хозяйство отдельной семьи. Эта единица более самостоятельна в земледельческих районах и более связана родовыми традициями в горных — скотоводческих. Перерастание родовой общины в сельскую подготовило в Абхазии почву для создания феодальных отношений. Эта роль сельской общины нашла замечательную оценку у Маркса:

«сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным базисом по вторичному образованию, т. е. переходным базисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве (в том числе и феодализм. А. Ф.)». (3-й черновик письма К. Маркса к В. Засулич. «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 285).

СОЗДАНИЕ АБХАЗО-КАРТАЛИНСКОГО ПЛЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Развитие производительных сил, особенно рост значения крупного рогатого скота и развитие обмена на основе увеличения прибавочного продукта, укрепляет связи между отдельными абхазскими племенами, каждое из которых представляло объединение автономных родовых групп по признакам общности территории, хозяйства, диалекта, обычаев и т. п.

Укреплению племенных связей содействовала и борьба с иноземными завоевателями и колонизаторами, главным образом с Византией.

Византийский торговый капитал, утвердившись на побережье Черного моря (Севастополис — Сухум, Питиунт — Пицунда, Никопсия — Н. Афон и др.), стремился распространить свое влияние и в глубь Абхазии, сочетая методы прямого вооруженного захвата с методами духовного закабаления, путем интенсивной религиозной пропаганды христианских проповедников-миссионеров.

Колонизаторская политика византийцев встречала сильное сопротивление со стороны абхазских племен. Так, например, еще в VI веке абхазские племена во главе с вождями Олситом и Скепарном устроили крупное восстание против Византии, подавленное последней с большим трудом.

В VIII веке (в 786 или 787 г.) абхамам удается совершенно освободиться от византийской зависимости. К этому времени консолидация абхазских племен достигла такой мощи, что Византии приходится с ними считаться, как с крупной политической силой на Кавказе. Неудивительно, что византийские историки называют в это время абхазских племенных вождей «царями».

В этот период Грузия была ослаблена нашествием арабов, захвативших еще в VII веке Кахетию и Карталинию.

От междуплеменной вражды в Грузии, которая сопровождалась также плетившимся ростом феодальных элементов, сильно страдала византийская торговля. Видя усиление и военную мощь абхазских племен, византийские и грузинские торговые элементы, при активной поддержке церкви, толкают абхазских племенных вождей на агрессивную политику для объединения Грузии.

В конце VIII века абхазские племена совершают грандиозный военный поход на юг до самого Сурамского хребта и в союзе с западно-грузинскими племенами образуют так называемое Абхазо - Имеретинское «государство».

В IX веке в состав этого государства входит Карталиния, а в X веке — Кахетия и Тао.

Возглавивший это новое объединение Баграт III именует себя «царем абхазов, картлов, кахов и лаков». Это племенное объединение, хотя и занимавшее огромную территорию, было также не прочно, как и все известные в истории племенные объединения. С самого начала внутри его мы наблюдаем рост феодальных элементов. Историки сообщают, что еще в конце VIII века «абхазо-имеретинский царь Леон разделил страну на 8 эриставств и посадил эриставов...» («География Грузии» царевича Вахушта).

Эти эриставы назначались большей частью из среды военных племенных вождей и сами раздавали полученную ими территорию во владение самым крупным родам. Процесс феодализации шел так сильно, что, как говорит С. Н. Какабадзе: «в IX—X веке уже встречается территориальная единица, имеющая собственного господина в лице владельца, правда подданного грузинского царя, но в свою очередь тоже имеющего своих подданных».

Но эти последние не прикреплены к земле и могут по доброй воле переселяться на землю других владельцев. (С. Какабадзе — «Черты феодального строя в Грузии», Тиф., 1912 г.).

Правда, в XI—XII веке, благодаря росту товарного хозяйства и торговли, в связи с крестовыми походами, грузинским правителям удается создать централизованное государство, несмотря на сопротивление феодализованной знати (восстание Ивана Орбелиани в 1170 г.), но уже в XIII веке, после «золотого века» Давида и Тамары, как следствие жестокого экономического кризиса, процесс феодализации возобновляется и идет быстрым темпом.

Что касается непосредственно Абхазии, то значение абхазских племен в системе Абхазо-Карталинского «государства» стало падать еще с конца X века, благодаря переносу хозяйственно - политических центров Западного Закавказья к Востоку (Кутаис — Уплис — Цихе — Тифлис).

На первый план выдвигаются районы, лежащие на центральных торговых артериях (Карталиния, Кларджетия и пр.), а Абхазия уже в XI веке представляет лишь окраину большого государства, играя подчиненную роль по отношению к грузинскому по существу государству.

ФЕОДАЛИЗАЦИЯ АБХАЗСКОГО ЭРИСТАВСТВА

На основе роста производительных сил в эпоху родового строя усилилось стремление к захвату рабочей силы (пленных—рабов) и средств производства (скот, пастбища), следствием чего явилось учащение вооруженных столкновений между абхазскими племенами, что способствовало выделению и выдвижению военных вождей и профессионалов военного дела. Род (фамилия) военного вождя пользуется львиной долей добычи и отсюда — большим политическим весом в общинном управлении. Прimitивная родовая демократия становится «военной демократией», а «из общественных должностей вытекает политическое господство» военных вождей и их фамилии. (Энгельс — «Анти-Дюринг», Гиз, 1929 г., стр. 165).

Так зарождается социальная сила будущих феодалов.

Эта новая социальная группа—продукт экономического расслоения—старается утвердить свои права на территорию, военную силу и торговлю, т. е. фактически утвердить свою власть над сельскими общинами (акыта).

Это особенно им удавалось в районах с развивающимся земледелием (на побережье), где сельские общины сами вставали на путь «коммendaции» — отдавали себя в подчинение, вынуждаемые необходимостью охраны и безопасности своего оседлого полевого хозяйства.

Феодализация внутри Абхазии форсируется общим процессом распада грузинского государства, в состав которого входила Абхазия.

Эриставы Абхазии из фамилии Чачба (груз. «Шерваншидзе»), получив-

шие этот титул в 1124—1125 году, добиваются к началу XIII века потомственных прав на Абхазию (Дотаго Чачба), а в XIV веке, когда Грузия начинает переживать сильный кризис, вследствие нашествия Тамерлана, наследники Дотаго объявляют себя независимыми.

Эта независимость была признана де-юре в XV веке, когда грузинское государство окончательно распалось на три части: Кахетию, Карталинию и Имеретию, при чем гурийские и мингрельские эриставы, по примеру своих абхазских соседей, отказались признать власть имеретинского царя.

III. Экономика абхазского феодализма

СЛАБОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В ту эпоху, когда в Абхазии складывались феодальные отношения, производительные силы находились еще на очень низком уровне развития. Большие земельные богатства и щедрость физико - географических условий давали возможность населению вести весьма экстенсивное хозяйство. Одновременно слабость техники не позволяла абхазам подчинить себе лесную стихию, от чего земледелие было распространено лишь на побережье и то отличалось большой примитивностью. Деревянная соха изрыхляла легкую черноземную почву не глубже 1½ вершков. Рабочий скот применялся еще далеко не везде; очевидно, еще большое значение имела мотыжная обработка земли вручную. Борону заменял пучок хвороста, нагруженный камнями.

Кукуруза еще не была известна в Абхазии и основной продовольственной культурой было гоми (просо), (абыста). Распространены были огородные культуры — лобия (фасоль), редька (ацыца), лук, чеснок и прочая зелень. Капуста, картофель и морковь совершенно отсутствовали.

На низменностях появлялся пришедший с Юга хлопок, но главным текстильным растением был лен (аныцыв).

Но все же на большей территории Абхазии огромное значение (а в горных районах и преобладающее) имело скотоводство.

Именно поэтому трудно обнаружить в Абхазии того времени феодально-поместные отношения чистого типа. Именно в силу этого в Абхазии долгое время сохранились пережитки родового строя, своеобразно переплетавшиеся с новыми феодальными отношениями.

В горных, почти целиком скотоводческих, районах Абхазии: Псху, Ах-чипсху, верховья Псоу и т. д., феодальные отношения существовали лишь в зачаточном состоянии и там почти до XIX века господствовало родовое

устройство, начиная от родовых пастбищ и кончая «военной демократией», без князей и дворян, без сословного деления, без феодальных повинностей.

Наоборот, на побережье, параллельно возрастающему значению земледелия, родовые отношения вытеснялись феодальными, хотя нередко этот процесс затягивался на весьма долгое время — его тормозили общественные порядки, в первую очередь аграрные пережитки родовых и сельских общин.

АГРАРНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ РОДОВОГО СТРОЯ

Аграрные основы общинного строя с исчерывающей ясностью оценил Энгельс:

«от Индии до Ирландии обработка больших пространств земли производилась первоначально именно такими родовыми и сельскими общинами, при чем пашня, либо обрабатывалась сообща за счет общины, либо делилась на отдельные участки земли, отводимые общиной на известный срок отдельным семьям при постоянном общем пользовании лесом и пастбищами... (Энгельс — «Анти Дюринг», стр. 200).

Именно второй тип общинного землепользования, подобие которого находим (с известными оговорками на-счет «срока отвода участков») и в Абхазии, характерен был для индийской общины, о которой Маркс писал, что там

«в большинстве случаев каждый обрабатывает свой собственный участок». (Письмо Маркса к Энгельсу от 14 июня 1853 года).

При этом в Абхазии, как в Индии, главным источником приобретения этих участков была расчистка земли из под густого и дикого абхазского леса. Об этом еще и сейчас рассказывают старики-абхазы («кто расчистил, тот и владеет»), бессознательно повторяя древнюю формулировку индийских общинных законов, изложенных в сборнике двустигий «Ману-Санхита», составленном на пороге нашей эры.

Таким образом, общинное пользование в Абхазии распространялось целиком на лес и пастбища, а поля и пашни находились в единоличном пользовании отдельных семей, которые со временем стали считать эти участки своей собственностью (ахапы).

Это положение отмечается и грузинским аграрным законодательством, изложенном в сборнике «законов царя Вахтанга», статья 169 которого гласит: «только три вещи: вода, лес и трава (пастбища А. Ф.) никому в мире не возбраняется и принадлежать государю...» (Акты Кавказской Археографической Комиссии, VII, с. 69).

Следовательно, остальные угодья предоставляются в единоличное пользование и частное владение.

ОБРАЗОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Основные вехи процесса образования феодальной собственности в Абхазии были намечены еще выше.

Следует лишь подчеркнуть, что хотя мы и не имеем в Абхазии, повидимому, примеров раздачи земли в условное владение, но что процесс превращения свободной сельской общины в зависимую, феодальную шел обычными историческими путями.

Имущественное неравенство и рабовладение приводили к тому, что внутри сельской общины, помимо выделения военно - административных элементов, монополизировавших военную и политическую власть, происходило расслоение на «чистых» («анхайюцкиа»), зависимых («хишшы») и пр. Маломощные дворы и фамилии попадали в экономическую зависимость к более мощным дворам и фамилиям князей и дворян (тавади-аамыста) или «чистых» крестьян (анхайюцкиа). К этому толкала их непрерывная война (племенная и родовая вражда, набеги черкесских и картвельских племен и т. п.), вечно грозившая стереть с лица земли мелкого самостоятельного земледельца, который вынужден был становиться на путь коммendaции, т. е. передавать добровольно себя под власть более мощной фамилии (рода).

Зачастую бывало, что целые селения—сельские общины отдавали себя во владение той или иной феодальной фамилии.

Так, например, сел. Блабурхва, Гудаутского района, по рассказам стариков, долгое время бывшая свободной, передала затем себя под власть дворянскому роду Блабаа.

Точно также и крестьяне сел. Отхара принуждены были отдаться под власть князей (тавадов) Чачба, пригласив одного из них на «княжение» в Отхара. В Кодорском районе, в сел. Атара старики Квициния рассказывают, что их деды жили раньше за Гаграми, в местности Хакуцхра, где они были свободными, но, переселившись в Атара и подвергнувшись систематическим набегам и нападениям, попали в зависимость от абжуйских (кодорских) Чачба.

Так развивался процесс превращения свободных сельских общин в зависимые владения — процесс не мирной эволюции, но записанный железом и кровью в истории абхазского народа.

В конце концов прибрежная полоса Абхазии была поделена между феодалами. Тот или иной князь-тавад и аамыста-дворянин стал возглавлять зависимую от него общину.

О новых взаимоотношениях общины с феодалами интересно говорят алаты адыгейских племен (одинаковые по существу у всех черноморских

адыге), собранные русскими военными администраторами в начале XIX века:

«§ 11. Жители селений, кои находятся под покровительством князя, признают над собой его власть: он почитается владельцем селений и земель им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищать; тот же аул (селение), в котором живет сам, князь считает как бы своей собственностью, хотя и не имеют права распоряжаться со всеми жителями онаго по своему произволу»... (Адаты кавказских горцев, т. I, Одесса, 1882 г.).

Здесь бросаются в глаза осторожные и смягченные формулировки: «как бы своей собственностью» и «и не имеет права со всеми распоряжаться произвольно». Объясняется это тем, что русских властей удивляла разница и отличие феодальных отношений у абхазо-адыгейцев от крепостнических отношений русской деревни. Отличие это и причина его будет ясна из следующей характеристики феодальной экономической системы в Абхазии.

Выше было указано на то, что благодаря аграрным традициям родового строя было в обычае считать всю землю принадлежащей «народу». Вследствие обилия «в пусте лежащих» земель и господства натуральных отношений, абхазскому земледельцу не было ни надобности, ни возможности рассматривать свои земельные участки, как товар, т. е. продавать их.

Каждый земледelec приобретал землю путем расчистки из под леса. Но, однако, отсюда никак нельзя делать тот нелепый вывод, к которому пришла сухумская сословно-поземельная комиссия накануне реформы 1870 г., заявившая, что в Абхазии

«в поземельном отношении все сословия равны»... (Труды, Сухум, сословно-поземельная комиссия, 1869 г., стр. 4).

Дело обстояло не так просто.

Абхазскому феодалу-таваду или аамыста, в условиях слабо развитой техники и невозможности непосредственно вести крупное сельское хозяйство, совершенно незачем было отнимать землю, находящуюся в единоличном пользовании крестьян или в совместном пользовании всех членов сельской общины-акыта.

Еще Энгельс указывал, что

«в средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а наоборот его прикрепление к земле. Крестьянин сохранил свою землю, но... был принужден вести в пользу господина повинность трудом или натурой»... (Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». ГИЗ. 1928, стр. 49).

Феодалу гораздо выгоднее было оставить землю в пользовании крестьян и сельских общин, и путем внеэкономического принуждения (личная зависимость) взимать натуральные повинности, увеличивая этим свое богатство и силу. Таким образом, феодальная земельная собственность в Абхазии была «лишь следствием собственности определенных лиц (тавадов и аамыста)

на личность непосредственных производителей (крестьян)...» (Маркс—«Капитал», III, ч. 2, с. 174).

«Мои люди — значит моя земля», — так рассуждал тавад.

Подобный характер аграрной системы феодального хозяйства имелся не только в Абхазии. Еще Маркс говорил, что в Западной Европе:

«Могущество капитальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа лично зависимых крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство». Маркс.— «Капитал», т. I, стр. 575).

Поместье абхазского тавада или аамыста само по себе было невелико, оно мало отличалось от зажиточного крестьянского двора, но вокруг него были десятки хозяйств, обязанных натуральными повинностями, лично зависимых крестьян. Пример: поместье (зхтыпра) тавада Маршания в сел. Джгерды не превышало по размерам полей и садов хозяйства некоторых крестьян из фамилии Ашуба, а поместье аамыста Циба было даже меньше последних.

В сочетании крупного княжеско - дворянского владения с мелким раздробленным хозяйством и заключается и характерная черта, и сила феодала.

Кроме того, феодалы в Абхазии увеличивали свою экономическую мощь захватом общинных лесов и лучших пастбищ, монополизировав рубку леса и право охоты. Так, например, в Кодорском районе известно, что князья Чачба пытались захватить в полное личное пользование большой Джгердинский лес площадью до 100 кв. верст. К XVIII веку Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита из Бзыбского ущелья, при чем последовательность установления монополии была такова: сначала запрещена была охота в данном лесу, затем для охраны от браконьеров он поселил там своих людей и, наконец, запрещено было рубить и вывозить лес.

Эти захваты были не редки, и хотя встречали сильное сопротивление общин, но в большинстве случаев удавались, так как на стороне князей и дворян была политическая власть и сила.

ФОРМЫ ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Весь смысл приобретения права владения крупными территориями заключался для феодала, разумеется, в стремлении получить возможно большее количество прибавочного продукта.

Этого он достигал путем внеэкономического принуждения на основе своей политической и военной силы.

Каковы же были формы и методы этого внеэкономического принуждения?

Обычно сейчас у защитников «самобытности» абхазской истории глав-

мым козырем служит положение: «в Абхазии не было крепостной зависимости, не было крепостного права, значит (!) абхазский крестьянин был свободным». «Теория» о «свободном» крестьянине не нова в исторической науке. Ряд буржуазных историков (Ключевский, Петрушевский, Беляев и др.) давно еще настаивали на том, что крестьяне феодальной до-московской Руси были свободны.

Русские историки-марксисты (Покровский и др.) дали прекрасную отповедь этим фальшивым утверждениям на основе диалектического анализа исторических фактов XIV и XV веков, которые полностью опровергают эту «теорию».

В феодальной Абхазии не было крепостного права в его «чистой» форме, не было крепостного крестьянина — такого, какого мы привыкли видеть в России XVIII века.

Но делать отсюда вывод, что «абхазский крестьянин был свободен» — это значит механически, а не диалектически подходить к анализу исторического процесса.

Маркс говорил, что для того, чтобы феодал мог выжать прибавочный продукт внеэкономическим принуждением, ему были

«необходимы отношения личной зависимости, личная не свобода, в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней»... (Маркс. — Капитал, т. III, ч. 2, стр. 326).

Почему же в Абхазии закрепощение крестьян, как массовое явление, не было в эпоху феодализма (до прихода русских)?

Во-первых, оттого, что абхазские феодалы имели мало экономической выгоды в этом, в силу обширности свободных земельных пространств и слабости с.-х. техники. Феодальную Абхазию в этом случае можно легко сравнить с Россией XIII века и воспользоваться характеристикой М. Н. Покровского в отношении русских крестьян той эпохи:

«Что касается самих крестьян, то их нельзя в это время назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне не было... Земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки, сжигали их, устраивали там пашни... Господствующему классу не было никакой выгоды закреплять это население к какому-нибудь одному месту». (Покровский. — Русская история в сжатом очерке, стр. 38).

Кроме того, факты грузинской истории говорят о том, что прикрепление крестьян к земле распространилось лишь в XVIII веке (при карталинском царе Ростоме).

Во-вторых, мы не раз указывали на то, что в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденцию феодалов к закрепощению крестьян. Такая тенденция, безусловно, была у них и она ярко выявилась после захвата Абхазии русским самодержавно-крепостническим государством.

Сохранившие силу родовые устои мешали быстрому развитию феодализма в Абхазии. По этому поводу известный исследователь К. М. Тахтарев пишет:

«В первый период феодализации, когда еще жива поземельная община и продолжают существовать многие пережитки родового строя, личные отношения проявляются гораздо ярче, чем поземельные»... (Тахтарев. — Сравнительная история развития человеческого общества), т. II, стр. 148).

Именно поэтому в феодальной Абхазии (дорусского периода) мы большей частью видим не крепостных, но не свободных, лично зависимых «в какой бы то ни было степени» (Маркс) крестьян, отдающих свой прибавочный продукт феодалу.

Крепостная зависимость — есть одна из форм (самая «высшая») личной зависимости. И по мере усиления элементов личной зависимости мы видим и в Абхазии прикрепление к земле «де-факто», несмотря на отсутствие юридических норм крепостного права.

Личная зависимость крестьян в феодальной Абхазии была не одинакова. Одни (ахую) отдавали прибавочный продукт в натуральной форме трудовых повинностей, весьма напоминающих барщину, другие (анхаю) в виде натуральных приношений и личных служб (воинская повинность и пр.), но в прибрежной полосе все так или иначе были зависимы.

Разберем каждую группу крестьян в отдельности.

«ЧИСТЫЕ» КРЕСТЬЯНЕ (АНХАЙЮЦКИА)

Это многочисленная группа, они обычно и объявляются «свободными», защитниками абхазской «самобытности».

Подтверждением этого приводят иногда близорукие «анализы» русских чиновников, которые писали, что

«анхаю не было сословие зависимое, а ставшее добровольно в обязательные отношения, вследствие необходимости иметь какую-либо защиту»... (Сборник сведений о кавказских горцах, т. VI, стр. 1872).

В этом «анализе» верноподданных «исследователей» поражает безграмотная противоречивость определения.

Ведь именно потому, что анхаю были обязаны натуральными повинностями, они и были, следовательно, зависимыми.

Правда, следует отметить один момент, имеющий чрезвычайную важность для анализа положения крестьян данной группы, а именно то, что отношения их с феодалами были скрыты под оболочкой патриархально-родовых отношений.

Эти патриархально - родовые отношения служили для абхазского феодала также своеобразной формой внеэкономического принуждения.

Еще и сейчас некоторые старики, потомки «чистых» крестьян («анхай-

юкна»), стремясь доказать «чистоту» своей фамилии, говорят, что князья и дворяне только «помогали» им, защищая их от набегов и пр., и что приношения и службы крестьян были «добровольными».

Разоблачение этой фальши не требует особого труда, если посмотреть на многочисленные примеры использования абхазскими феодалами особых патриархальных обычаев, основанных на родовом праве.

«Аадзара», когда тавад или аамыста отдавал сына на воспитание крестьянской фамилии, которая становилась «родственной» ему, т. е. фактически зависимой от него.

«Усыновление» («ахупхара»), когда посредством торжественной церемонии целования женской груди князь или дворянин становился родственником данной фамилии.

«Удомашнение» («аюнадара»), почти то же в сущности, что и «усыновление», когда данная фамилия, ставшая в «родственные» отношения к князю, обязана была «добровольно» делать ему приношения, кормить его скот и пр.

Эта тонкая махинация, опутанная идилическими родовыми традициями и обычаями, на первый взгляд действительно далека от понятий «зависимости» и «эксплоатации».

По крайней мере так казалось вначале крестьянам, чего и добивался князь, стремившийся в некоторых случаях скрыть истинный характер феодальной эксплуатации.

Правда, в дальнейшем, с течением времени натуральные повинности все более теряли патриархально - идилическую оболочку «добровольности» и из под маски «родственника» и крестьянского «печальника» все чаще и чаще выглядывала хищная физиономия феодального эксплуататора.

Так, если крестьяне («анхайю») раньше делали приношения лишь на Пасху и Рождество и в любом количестве, то впоследствии феодал сам нередко стал устанавливать сроки и размеры козленка или теленка, столько-то окалат кукурузы (окалат = 30—60 фун.) или столько-то абхалов вина (абхал = около 1 ведра) и т. д.

Если вначале крестьяне только 1 день в году выходили на поля князя «помогать» в уборке кукурузы и т. д., то впоследствии эта, с позволения сказать, «помощь» достигала подчас 3—5 дней полевой работы, при чем в случае отказа феодал налагал штраф и принимал карательные меры: люди князя уводили у такого своевольного крестьянина корову и т. д. С течением времени личная зависимость крестьян росла и одновременно увеличивалась феодальная эксплуатация.

К началу XIX века «чистый» крестьянин («анхайю»), подвластный феодалу, должен был выполнять следующие повинности:

1. По зову своего владельца являться на полевую работу от 1 до 5 дней в году.

2. Ежегодно приносить козу, теленка, вино, кукурузу, дичь и пр. в определенном владельцем количестве (размеры приношений были различны, но, по рассказам стариков и найденной нами в сел. Атара, Кодорского района, выкупной грамоте, их можно определить: кукурузы 6—8 пудов, вина 4—6 ведер).

3. Приносить подарки на свадьбу и другие семейные праздники.

4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.

5. Уплачивать за владельца штраф (своеобразную контрибуцию) в случае поражения его в военном набеге и необходимости возместить материальный ущерб победившему соседу.

6. Кормить владельца и его свиту во все время нахождения его вблизи данного двора (во время охоты и пр.).

7. Седлать и ухаживать за лошадьми владельца.

8. Предоставлять транспортные средства для перевозок (арбу, быков, лошадей).

9. Помогать при постройке или ремонте усадьбы владельца.

10. Исполнять поручения и сопровождать феодала.

11. Составлять военную силу его в случае вооруженного столкновения, являясь по первому зову, «конно, людно, оружно».

Одного перечисления этих повинностей достаточно для того, чтобы легенда о «свободном крестьянине» в Абхазии разлетелась в прах. Правда, мог возразить еще, что «чистый» крестьянин мог отказаться от повинностей и перейти к другому владельцу. Формальное право (ассатство) перехода существовало, но фактически крестьянин им мало пользовался.

Этот переход еще был целесообразен в первый период феодализма, но когда по всей почти Абхазии установились феодальные отношения, переход от одного владельца к другому вряд ли имел смысл — «хрен редьки не слаще». А, кроме того, крестьянина задерживали его родственные связи, привычки, традиции и пр.

Право перехода в условиях развитого феодализма теряло свое первоначальное значение.

Без сомнения, правильно, что положение «чистых» крестьян («анхайюцкна») было лучше и много легче, чем других прослоек крестьянского населения.

«Чистый» крестьянин имел свое хозяйство, имел известные общественные права, имел рабов («атпы-итпы») и даже зависимых от себя крестьян («анхайю-хишшы»), от которых он пользовался присвоением их прибавочного продукта. (Характерно, что это явление было не только в Абхазии, но и в других странах, например, в России, где в эпоху феодализма некоторые группы русских крестьян имели своих собственных крепостных. (Плеханов — «К вопросу о развитии монастического взгляда на историю». Соч., VII, Гиз, 1923, с. 168).

Но все же не-свобода «чистых» крестьян была очевидна и близок к истине С. Авалиани, который определяет их положение так:

Эти отношения можно было бы по аналогии характеризовать, как смягченную форму крепостных отношений с преобладающим элементом личной зависимости... (С. Авалиани.— «Крестьянский вопрос в Закавказьи». 1931, том II, стр. 75).

ПРИКРЕПЛЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ — «АХУЮ» и РАБЫ — «АТПЫ»

Рабовладение в Абхазии возникло в глубокой древности, еще в эпоху родового строя. Источником рабовладения были военные столкновения и набеги.

Но в силу природных условий и натурального характера абхазской экономики, внутри Абхазии рабский труд не создал особого способа производства, как это было, например, в античных странах.

На это явление, характерное вообще для восточных стран, указывал и Энгельс, говоря, что

«домашнее рабство на Востоке не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи»... Энгельс.— «Диалектика природы». ГИЗ. 1930, стр. 60).

В Абхазии рабство носило именно «домашний» характер. Рабы использовались, как прислуга при доме (акиранджы), как помощники, добавочная рабочая сила в хозяйстве.

Но с развитием земледелия и феодальных отношений было гораздо выгоднее посадить раба на землю. И вот «благоприобретенный» (ахашала) путем захвата в плен или покупки и подарка раб зачастую сажался на землю. Владелец «разрешил» ему обзавестись семьей, дарил ему постель, медный котел для очага (как символ семейного счастья), корову и наделял его земельным участком.

Раб и его семья теряла рабское положение и переходила в разряд «ахую», которые были по существу крепостными барщинными крестьянами.

Такой крестьянин был обязан:

1. 3 дня в неделю работать с семьей и своим инвентарем у владельца.
2. Выполнять по приказу владельца все домашние работы (отсюда и происхождение термина «ахую», что значит «варивший абысту»).
3. Делать приношения с урожая и по праздникам.
4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.
5. Резать и содержать скот владельца.

Таким образом, личная зависимость этих крестьян-полурабов, прикрепленных к земле, была настолько велика, что по существу не отличалась от крепостной зависимости. «Ахую» могли владеть не только князья и дворяне, но и «чистые» крестьяне.

По сведениям сухумской сословно-поземельной комиссии, в XIX веке лишь 50 проц. всех «ахую» владели князья и дворяне, а остальными —

«анхаю», но так или иначе этот закрепощенный раб должен был отдавать свой прибавочный продукт и находился в положении эксплуатируемого и бесправного человека.

Правда, он мог откупиться от трудовых повинностей, заплатив до 300 руб. выкупа, но эти случаи в период до XIX века были весьма редки.

Не все рабы прикреплялись к земле, часть их оставалась на положении дворовой прислуги, которую использовали до поры до времени или продавали, дарили и пр.

При чем интересно отметить, что в то время, как князья и дворяне стремились превратить рабов в крепостных крестьян, сажая их на землю, «чистые» крестьяне («анхаю») использовали их по-прежнему на принципах домашнего рабства. Поэтому и оказалось, что к XIX веку князья и дворяне имели лишь около 25 проц. всех рабов, а остальные были в руках «анхаю».

В феодальной Абхазии была весьма распространена работорговля, о чем будет сказано ниже.

НАТУРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ХОЗЯЙСТВА И ВНЕШНИЙ ОБМЕН

Говоря о том, что «личная зависимость характеризует при феодализме общественные отношения материального производства», Маркс указывал, что в силу этого здесь «продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму», т. е. выступать, как товар. (Маркс — «Капитал», 1, с. 35).

В Абхазии той эпохи господствовало натуральное хозяйство и прибавочный продукт присваивался феодалом в натуральной его форме.

Крестьяне производили у себя в хозяйстве и обеспечивали феодала не только продовольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами своей домашней промышленности (ткани, шерсть, ковры, орудия, оружие, посуда и пр.).

Остаточная форма этих домашних промыслов феодального периода сохранилась в Абхазии и сейчас в наиболее отсталых, менее товарных, хозяйствах горных селений — Отхара, Джгерды и др.

Но было бы механистическим понимать хозяйство феодальной Абхазии, как абсолютно безобменное.

Обмен был слаб внутри страны, но он ярко проявлялся по линии внешних сношений. Несмотря на имеющиеся сведения о добыче железа в Черкессии и добыче серебро-свинцовых руд на г. Дзыпра и г. Хицма, Гудаутского района, все же Абхазия нуждалась в металле. Кроме металла, продуктами ввоза была соль, порох, ткани, медикаменты и пр.

Существование генуэзских и турецких колоний на территории Абхазии содействовало развитию внешнего обмена.

Путешественник Шарден рассказывает, что в XVI—XVIII веках в Черном море, у Кавказского побережья бывало до 1.500 итальянских судов,

каждое из которых было нагружено разнообразными товарами так, что «походило на маленький городок, где все можно найти». («Путешествие Шардена по Закавказью». Т. 1902).

В конце XVIII века импорт турецкой соли в Абхазию достигал 15.000 пудов ежегодно.

Из Абхазии вывозили самшит, известный на марсельском рынке, каштан, употребленный на постройку Реймского собора, мед, воск, кожу, меха и пр.

Особое место занимала работорговля, имевшая первостепенное значение.

Шарден указывает, что в XVII веке с Черноморского побережья Кавказа вывозилось ежегодно до 12.000 рабов и рабынь на рынки Турции и Египта. Даже внутри Абхазии раб служил иногда единицей обмена, своего рода эквивалентом. Было даже выражение: «одна голова холостая». Цены на рабов сильно колебались в зависимости от района и спроса. В горной Абхазии «одна голова» приравнивалась 5—6 коровам, но на побережье достигала до 15—25 коров. Особые цены были на девушек, продаваемых для гаремов; они доходили до 60 коров за «одну голову».

Большое значение имела и транзитная торговля по торговым путям на Северном Кавказе через Клухорский и Марухский перевал в Черкессию и Кабарду.

Интересно отметить, что абхазские феодалы старались монополизировать обмен с целью получения добавочного дохода.

Адыгейские адаты говорят:

§ 15. «Если привозят что либо для промена жители селений другого племени через земли покровительствуемых князей земель, то платят им дань»...

Кроме того, известно что князья-тавады Чачба в конце XVIII века владели главными пунктами внешнего обмена: Очемчиры, Келассури, Гудава, получая доходы с производимой там торговли. В начале XIX века эти доходы достигали: с очемчирского базара — 500 рублей серебром, с Келассури — 1.300 рублей серебром в год.

Это была также одна из форм внеэкономического принуждения с целью получения прибавочного продукта.

IV. Политический строй абхазского феодализма

КЛАССЫ И СОСЛОВИЯ

Общество резко делилось на два класса по отношению к средствам производства: на **крестьян** и на **феодалов**.

Класс крестьян, не говоря уже о рабах, занимал как в процессе производства, так и в политическом отношении подчиненное положение. Послед-

нее проявлялось даже внешним образом: крестьянин не мог садиться на коня без разрешения феодала, не мог сидеть в присутствии феодала, должен был уступать ему дорогу, не мог иметь крытый дранью дом и пр.

Крестьянин обязан был выполнять все прихоти и поручения феодала, с почтением относиться к нему и его слугам. Чего стоят, хотя бы факты, рассказанные стариками в сел. Атара, Кодорского района, о том, что во время охоты псарь феодала ночевал вместе с собаками в крестьянских домах, выбрасывая оттуда семью и детей крестьянина и загоняя туда собак.

Класс крестьян был в политическом и правовом отношении подчинен классу феодалов, который стремился монополизировать все военные, административные и судебные функции. Классовому делению соответствовала система сословий, ибо феодалы представляли собой привилегированные сословия.

Их привилегии заключались в том, что они не несли трудовых повинностей, пользовались лучшими общинными землями, получали дань, сборы, налоги с обмена, пользовались правом монопольной охоты и рубки лесов, имели решающее слово на сельских сходах и судах, пользовались выморочным правом на имущество своих подвластных и т. п. Привилегированное положение феодалов подчеркивается и адыгейскими адатами, которые устанавливают за убийство князя 100 быков пени, дворянина — 30, а крестьянина — 15.

В Абхазии, как в любой феодальной стране, соблюдалась строгая иерархия сословий. Эта иерархия начала складываться еще с начала развития феодального общества в Абхазии, потому что в XV веке иерархическое строение абхазского общества было известно и за границей. Трапезундский император Давид в письме к герцогу Бургундскому от 22-го апреля 1459 года пишет:

«в числе союзников против турок будет Рабня, герцог абхазский, его брат и его бароны с 30.000 воинов. (Броссе.— «История Грузии».

Иерархическая лестница развитого абхазского феодализма представлялась в следующем виде:

1. **Ах** — владетель всей Абхазии из рода Чачба (Шервашидзе).
2. **Тавады** — князья, номинально подчиненные аху, но фактически не всегда поддерживающие его.
3. **Аамыста** — дворяне, находящиеся в вассальных отношениях к тавадам.
4. **Ашнакма** — «личные дворяне» из «чистых» крестьян и черкесских выходцев, жившие при дворе аха и составлявшие его почетную свиту.
5. **Анхаю** — «чистые» крестьяне, за редким исключением, зависящие от первых четырех сословий.
6. **Анхаю-хипшы** — крестьяне, зависящие от анхаю.
7. **Ахую** — закрепощенные крестьяне.

8. Атпы — рабы и «рабы рабов».

Первые (привилегированные) сословия: тавады, аамыста и анишка составляли, без сомнения, меньшинство населения. По не вполне достоверным данным сухумской сословно-поземельной комиссии число членов привилегированных этих сословий достигало всего 10—12 проц. населения, на самом же деле, вероятно, их процент был еще меньше.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПРИНУЖДЕНИЯ И РОДОВЫЕ ПЕРЕЖИТКИ

Феодальная эксплуатация, разумеется, вызывала классовое сопротивление со стороны крестьян против дворян и князей.

Примеры проявлений этой классовой борьбы эпохи феодализма, к сожалению, мало исследованы, но отдельные факты, которые нам удалось собрать, все же доказательно говорят о классовых противоречиях между крестьянами и феодалами в Абхазии.

В сел. Нокуаш, Кодорского района, рассказывают о коллективном выступлении крестьян во главе с крестьянином Гиндия, отказавшихся работать на поле у тавада Ачба.

В сел. Атара, Кодорского района, вспоминают, как приехавший от убыхов, где не было князей, один из рода Квициния стал агитировать своих кодорских однофамильцев отказаться от зависимости. Во время выступления против Гергуала Чачба этот «агитатор» был убит и выступление окончилось неудачно.

В Гудаутском районе много рассказывают о сопротивлении крестьян дворянам Званбая, прославившимся жестокой эксплуатацией своих подвластных: свионас Жапшба и другой крестьянин Палба Кумач вступали со Званбая даже в вооруженную схватку.

Если классовое сопротивление доходило до вооруженной борьбы, то крестьянину приходилось, разумеется, уходить в горы и леса и становиться абреком. Такие абреки, выступавшие против феодалов (тавади-аамыста), пользовались обычно горячей поддержкой крестьян; о них и сейчас поют песни, рассказывают легенды и пр.

Таковы абреки, вроде Хаджарата Кяхба, боровшегося против эшерских феодалов Дзяши-Ипа, вроде Дыдж Квеквескири при Беслаху, преследовавшего тавадов Маршания, и ряд других.

Со своей стороны, феодалы старались обеспечить получение прибавочного продукта и личную зависимость особыми мерами, создав примитивный аппарат принуждения. Этот аппарат принуждения основывался прежде всего на военной силе феодала, которую он черпал путем «воинской повинности» ему подвластных. Но, кроме этого, для карательных мероприятий и личной охраны крупные феодалы заводили своего рода жандармерию —

«кераз». «Кераз» составлялся из дворян и из наиболее «чистых», экономически сильных и родственно связанных с тавадом крестьянских семей, по выбору самого тавада.

«Кераз» отражал и сам совершал военные набеги, наказывал непокорных, взимал «штрафы» и дань как с крестьян, так и с купцов на побережье, уничтожал личных врагов феодала, действуя совершенно безнаказанно. «Кераз» часто имел характер русской «опричнины», выполняя и личные прихоти феодала. Сохранились песни и рассказы о том, как «Кераз» веровал для князей Чачба красивых девушек (рассказ о красавице Чире Таркил, записанный нами в Дурипше, и песня о прекрасных Ханифе и Казирхан — сестрах крестьянина Афар Мута).

Феодальный «Кераз» — яркий факт развития государственного аппарата, как системы принуждения и классового господства.

Но следует, однако, отметить одну важную особенность политической структуры абхазского феодализма — диалектику родовых пережитков. Если эти родовые пережитки помогали феодалам укреплять личную зависимость крестьян посредством родственных связей (аталычество, усыновление и пр. См. главу об «экономике») и замазывали классовые противоречия, то одновременно они — эти родовые пережитки — ограничивали несколько и феодальный произвол.

Во-первых, тавад вынужден был считаться с представителями сильных родов и важные вопросы общественной жизни выносить на обсуждение сельских собраний, где право голоса имели все «чистые» крестьяне, хотя решающее слово и оставалось, конечно, за феодалами.

Во-вторых, обрушиваясь на какого либо «дерзкого» крестьянина, он иногда встречал сопротивление всей фамилии, всего рода. Отсюда — отсутствие телесных наказаний для крестьян, ибо легче было тайно убить, чем, скажем, подвергнуть порке. За это оскорбление, без сомнения, грозила кровная месть со стороны всего рода, иногда многочисленного и сильного.

Поэтому даже такие феодалы, мало с кем считавшиеся, как Хассан Маан, не мог, например, добиться выдачи крестьянина Петра Кобахия, ранившего одного из Маанов. За Петра стоял весь род Кобахия.

Родовые пережитки (кровная месть) в этих случаях оборачивались против феодала, ограничивая его произвол.

В этом ярко проявляется диалектика исторического процесса в феодальной Абхазии.

Родовые пережитки сказывались и на юриспруденции абхазского феодализма. Тавад и даже ах-владелец судил вместе с почетными стариками — патриархами сильных семей и при этом судил в соответствии с родовыми адатами (обычаями).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА

В эпоху феодализма Абхазия представляла собой государство с сильно раздробленной политической властью и слабой централизацией. Хотя официально вся страна и имела центральную власть в лице владетеля («аха»/Чачба/Шерванидзе), но фактически она была раздроблена на ряд мелких владений тавадов (князей) и полузависимых сельских общин и племенных единиц. Причиной этой раздробленности была слабость хозяйственных и меновых связей и натуральный характер производства в феодальных владениях.

Каждое из этих феодальных владений, представляя собой замкнутый экономический мирок, в отношении политическом являлось своего рода «государством в государстве».

Эти отдельные мирки объединяла лишь внешняя торговля и интересы обороны страны в целом от иноземных завоевателей и колонизаторов. В моменты внешних столкновений с агрессивными соседями и колонизаторами центральная власть, т. е. значение владетелей («ах») Чачба, обычно усиливалась. Так было в эпоху генуэзской колонизации в XIII и XIV веках, так было в период турецкого господства на побережье в XVIII веке.

Политическая власть владетеля (наследственными владетелями Абхазии были князья Чачба (Шерванидзе) имела функции центрального государственного аппарата: по линии внешних сношений владетель («ах») регулировал внешний обмен, предоставляя льготы и право торговли иностранным купцам, а также решал вопросы войны и мира, используя военную силу подчиненных ему феодалов-тавадов; по линии внутреннего управления — взыскивал сборы с обмена, мирил и судил вместе с сословными и родовыми представителями, при чем за всякие конфликты, происшедшие близ его резиденции, получал определенные пени; все административные функции он осуществлял через своих «дружинников», личных, служилых дворян — «ашнакма» и свою гвардейско-жандармскую организацию «кераз».

Монеты своей абхазские владетели не чеканили, а денежными единицами служили золотые и серебряные монеты — грузинские, арабские, турецкие и пр., а также рабы и крупный рогатый скот.

Владетель («ах») жил в сел. Лыхны. Вокруг его дворца (сначала деревянного, а потом каменного здания, развалины которого сохранились и поныне) были домики живущей при нем «челяди», а неподалеку разбросаны были усадьбы «керазников» и «ашнакма». (Последние жили в других селениях, получая от владетеля территории скот и рабов. Это единственный пример условного владения в феодальной Абхазии).

Личным владением ах'а была Бзыбская Абхазия — часть современного Гудаутского района.

Родственники владельца (из фамилии Чачба) имели ряд владений по всей Абхазии (Келассури, Кутол, Очемчиры, Самурзакань), но они часто не отставали от прочих тавадов в отношении игнорирования и даже сопротивления владельцу. На пороге XIX века абжуйские Чачба — Алибей и Манучар даже пытались совершенно самоопределиться и стать независимыми от ах'а.

Всей же остальной территорией прибрежной Абхазии владели непосредственно тавады и аамыста. Например: долиной на правом берегу от устья реки Бзыби (сел. Алахадзы, Колхида и пр.) владели Инал-Ипа, сел. Ачандары — тавады Ачба, сел. Псырцха — Маргания, сел. Эшэры — аамыста Дзяпш-Ипа, сел. Адзюбжа — Маргания, сел. Атара и Джгерды — тавады Маршания, сел. Тхина — Дзяпш-Ипа, сел. Моквы — Ачба, сел. Гупы — аамыста Атумава, сел. Ткварчелы и сел. Покуаш — Ачба и т. д.

Все эти крупные феодалы, находясь в вассальной зависимости от владельца и имея у себя подчиненных им мелких феодалов, фактически были полными государами в пределах своего владения и признавали власть владельца («ах») лишь постольку, поскольку он обладал большей силой. Области же Цабал и Дал, где властвовали тавады Маршания, а также скотоводческие племена с неразвившимися феодальными отношениями — Псху, Ахчпсху и джигетские («садзкуа») общины — Цан, Геч, Арто и т. п. подчинялись власти владельца лишь номинально, выступая чаще всего, как его автономные союзники, чем подчиненные.

Таким образом, владелец («ах») был типичным феодальным государем, являясь всего лишь «первыми среди равных». Принудить к повиновению крупных тавадов он мог только силой. Этой силой он сам не обладал, для чего ему приходилось прибегать к организации союзов и группировок и использовать распри и раздоры среди феодалов. А почва для таких конфликтов создавалась богатая самой административно-территориальной системой феодального государства.

Границы феодальных владений точно установлены не были. Часто в одном крупном селении жили крестьяне, зависимые от двух-трех феодалов. Споры из-за пастбищ, выгонов, лесов выливались в форму вооруженных столкновений, набегов и пр. Каждый феодал жил всегда «на военном положении» и весь его домашний быт был милитаризован.

Крупный феодал выбирал место для своего двора («ашта») на возвышенности, где строил каменный или деревянный дом так, чтобы в нем можно было выдержать осаду и отразить нападение врагов. Примеры: дом феодала Каца Маргания («Кац-ашта») в сел. Джирхва, дом Хассана Маргания (Маан-Хассан) близ Нового Афона и др.

Вот как описывает современник жилище сильного келассурского владельца Хассан-бея Чачба, стоящее на крутом холме около устья реки Келассури:

«его деревянный дом имел вид четырехугольной башни на высоких каменных столбах. Кругом дома шла крытая галерея. Двор был обнесен высоким изгородом с бойницами и тесной калиткой, способной пропустить лишь одного человека»... (Торнау.— «Воспоминания кавказского офицера». 1835).

Выезжая из дому, тавад всегда брал десяток—другой надежных вооруженных людей, а под черкеску одевал металлическую сетку-кольчугу («акулдзы») и железный пояс («аванызамака») для защиты от внезапного нападения.

Нет сомнения, что в Абхазии мы имеем своеобразный иммунитет, т. е. неприкосновенность, независимость феодала во внутренних делах своего владения. Произвол феодала внутри его владения ограничивался скорее родовыми пережитками, чем центральной властью владетеля. Но тем опаснее чувствовал феодал себя за пределами своего владения. Борьба между феодалами не прекращалась никогда и только могла временно замирать, чтобы с новой силой вспыхнуть в благоприятный момент. Иногда эта борьба носила форму «большой войны» — в военные действия вовлекались сотни и тысячи крестьян, составлявших «армии» феодалов.

В памяти абхазского народа сохранились большие военные походы владетеля Келеш-бея Чачба в конце XVIII века против атарского тавада Бекир-бея и поддерживающих его кодорских Ачба. Еще раньше этого владетель Зураб Чачба вел жестокую войну с эшерскими феодалами Дзяпи-Ипа. Целые века длилась борьба владетеля с цабаю-дальскими тавадами Маршания. Эта война сопровождалась свойственными эпохе жестокостями, захватом скота, пленных, которые тотчас обращались в рабов и продавались за границу.

Старики рассказывают, что при набегах Чиниак Ате-Ипа Маршания жгли целые селения, убивали даже детей и пр.

Но кроме «большой войны» прибегали и к методам «малой войны», методам интриг, подкунов, покушений и т. п. Известны факты следующего порядка: Келеш-бей, будучи не в силах справиться с Дзяпи-Ипа, пригласил троих из них к себе и вероломно убил их в своем собственном доме; владетель Хамуд-бей отравил келассурского Чачба — Дмитрия, своего родственника.

Измены, предательства, убийства из-за угла — это были излюбленные методы феодальных политиков. Нет нужды говорить о том, как подобная борьба отзывалась на народном хозяйстве и задерживала нормальное развитие производительных сил.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАДСТРОЙКИ

Прежде всего следует оговориться, что до сих пор в Абхазии идеологические надстройки родового и феодального общества не исследованы с достаточной полнотой, а имеющиеся скудные материалы дают возможность

дать лишь схематическое изложение этого вопроса в надежде на более полное освещение его будущими исследователями. Марксистский анализ этих идеологических надстроек в Абхазии отсутствует вовсе, что затрудняет изложение этой темы.

Идеология абхазского феодализма пронизана религиозным влиянием. В эпоху феодализма первое место в религии занимали в Абхазии пережитки родовой и племенной религии. Культ природы (священные горы, небесные светила, леса, деревья, вера в духов, населяющих землю и воду) и культ предков (фамильные кладбища, почитание очага, родовой кузницы и пр.) были еще в полном расцвете и прекрасно уживались с новыми религиями христианской и мусульманской, которые, безусловно, имели меньший удельный вес, в силу того, что они были принесены в Абхазию извне и не были связаны с социально - экономическими устоями народа и страны.

Феодалы поддерживали религиозные пережитки родового строя и даже часто являлись носителями их, беря на себя функции защиты и охраны «священных мест». Пример: жрецами священной горы Дидрипи была дворянская фамилия Чачба.

Феодалы использовали и христианскую религию, распространившуюся в Абхазии еще в эпоху византийской колонизации V—VIII века, но ослабленную после прекращения связи с Византией.

Христианские церкви и монастыри (Пицунда, Афон, Каманы, Дранды, Илори и др.) имели свои земли, стада, своих рабов и занимались торговлей вообще и работорговлей в частности. Христианская церковь пользовалась поддержкой Византии, имела значительное экономическое богатство и поэтому абхазские католики, жившие в Пицунде и Афоне до 1795 года, пользовались большим влиянием среди абхазских феодалов.

Это влияние, правда, было подорвано распространением в XV—XVI в. в. ислама — орудия турецкого господства на побережье.

В начале XIX века в Абхазии функционировали только две церкви — в Лыхны и Илори, остальные были закрыты и разрушались.

Сами феодалы не очень считались с церковными памятниками: имеются сведения, что Хассан Маргания — псырцхинский феодал — выстроил себе дом из материалов афонской церкви Симона Канонита, разобрав для этого свод храма.

Но ислам не пустил корней в Абхазии, также, как и христианство: в обычаях абхазов трудно найти влияние законов шариата.

Религия родового строя — «национальная» религия абхазов освящала право и нравственность феодального общества. Выше уже говорилось, как феодалы использовали правовые и моральные нормы родового строя в своих целях.

Феодальный порядок сохранил такие родовые атрибуты, как равная месть, представление о «чистоте» фамилии — рода, патриархальные взаи-

отношения в семье, а одновременно распространил и развил феодальные воззрения на «почетные» и «позорные» занятия. Первыми считались военное дело и охота, вторыми — торговля и промышленность для производства на продажу. Еще итальянец Интериано, побывавший в Абхазии в 1450 г., отмечает в своем сочинении («Делла вита де Зихи»), что «за занятия торговлей и ремеслом знатных («нобили») лишали достоинства». Эти воззрения сохранили свою силу до последних лет и способствовали, между прочим, тормозящим образом слабому развитию пролетаризации абхазской деревни в пореформенный период.

Медленное и слабое развитие производительных сил феодальной Абхазии сказалось на отсутствии систематизации производственного опыта в форме научных представлений, отсутствии национальной письменности.

Искусство в основном отражалось народным творчеством в форме песен, сказок, музыки, танцев, содержание которых заполнялось материалом описания одухотворенных сил природы и героизма отдельных представителей наиболее видных родов, а впоследствии — феодалов. Абхазские тавады любили иметь хороших певцов — музыкантов, которые были завсегдатаями в феодальных домах, импровизируя песни и сказки, развлекая этим отдыхающих или пирующих феодалов.

Многие из этих песен, отражающих феодальный строй, остались в народе до сего времени.

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

Соседями феодальной Абхазии с Севера были адыгейские племена, граница с которыми проходила, примерно, по р. Псоу и далее по Главному хребту.

Из этих племен шапсуги и абадзехи, благодаря более низкому уровню развития производительных сил, не имели развитых феодальных отношений, а кабардинцы, владевшие транзитными торговыми путями из Абхазии на Северный Кавказ, уже к XV—XVI в. в. имели феодальные порядки.

Не имея с этими соседями нормальных торговых сношений, в силу натуральности хозяйства и тех и других, феодальная Абхазия находилась с ними большей частью в состоянии войны. Бесперывные набеги черкесов на Бзыбскую Абхазию, угон скота и пленных имели ответом походы абхазских племен на Север. Подчас эта борьба переходила в настоящую войну. В народе сохранились рассказы о полумифическом черкесо-кабардинском князе Чхан-Ипа, прошедшего с «огнем и мечем» через всю Бзыбскую и Кодорскую Абхазию.

Иногда абхазские феодалы заключали союз с адыге для походов на Мингрелию и Грузию.

Известно, например, что вековая вражда абхазских Чачба и мингрельских Даданов из-за Самурзакани на пороге XIX века вылилась в форму настоящей войны, при чем Григорий Даданя в 1803 году обратился за по-

мощью к России, а позже, после смерти Келеш-бея, Григорий Дадiani поддерживал Аслан-бея, боровшегося с владельцем («ах») Сефер-беем. Возможно, что и убийство Келеш-бея было организовано Дадiani.

Войны с Мингрелией давали богатую добычу — скот, рабов.

Кроме того, из Мингрелии, благодаря перенаселенности и жестокой эксплуатации князей-крепостников, шла добровольная иммиграция в Абхазию.

Гораздо серьезнее адыге и мингрельцев для абхазских феодалов были береговые колонизаторы — итальянцы и турки.

Как итальянцы, так и турки, не пытались проникнуть вглубь страны вооруженной силой, ограничившись захватом стратегических пунктов на побережье. Но экономическое влияние и тех и других было сильно, а турки, кроме того, стремились применить и идеологическое орудие путем распространения в Абхазии ислама.

Влияние итальянцев пало в XV веке, после закрытия турками проливов. Турки же начали укрепляться в Абхазии в XVI веке при султани Селиме II. В 1578 году они построили крепость Сухум-Кале на месте старого Севастополя и завели там постоянный гарнизон. Кроме Сухума, турецкие войска стояли в Гаграх, называемых по-турецки Бала-даг.

Турция сумела сделать владельца своим вассалом, хотя и не взимала с него официальной дани и не вмешивалась во внутреннее управление, но добившись охраны интересов турецких купцов.

Развитие обмена, работорговли и рост товарных элементов в хозяйстве страны укрепили авторитет владельца среди прочих феодалов и зародили в нем тенденции к абсолютизму. Эти тенденции проявились прежде всего в стремлении владельца укрепить свою силу путем освобождения от турецкого влияния. Носителем этих тенденций еще в первой половине XVIII века выступил «ах» Манучар Чачба, но он был предупрежден турками, которые удалили его путем инсценированного восстания во главе с Леваном Чачба. Но в 1771 году Леван вместе с братом Зурабом сумел организовать налет на Сухум и выгнал оттуда турецкие войска.

Вскоре подкупленный турецким золотом Леван передал Сухумскую крепость обратно туркам, но последние постарались устранить его, объявив владельцем Абхазии молодого Келеш-бея — сына Манучара Чачба. При поддержке турок Келеш-бей сильно укрепил центральную власть, стремясь подавить сопротивление феодалов (борьба с Дзяши-Ипа, Бекир-беем и цабальскими Маршания) и перенес свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость.

Но в то же время Келеш-бей мечтал и об освобождении от протектората Турции. В этих целях он хотел использовать трапезундского пашу Техера, поднявшего мятеж против Стамбула. Ища опоры в задуманной борьбе против Турции, Келеш-бей уже оглядывался на Россию, с представителями ко-

торой он встречался еще в 1803 году в Анаклии во время переговоров с мидгрельскими Дадананами.

Но в 1808 году Келеш-бей был убит своим сыном Аслан-беем. Последующая борьба за власть между его детьми уже была борьбой турецкого (Аслан-бей) и русского (Сефер-бей) влияния. Российский «военно - феодальный» империализм уже включил Абхазию в свои захватнические планы завоевания Кавказа и Черноморского побережья.

В 1810 году владетель Сефер-бей Чачба заключает с Россией договор, по которому Абхазия передавалась «в вечное подданство и рабство белому царю». По приказу главнокомандующего русскими войсками графа Тормасова русская эскадра бомбардирует Сухум-Кале и 9-го июня 1810 года высаживает десант в 600 человек, который, потеряв 109 убитых, изгоняет турецкий гарнизон.

Начинается новый период в истории Абхазии — период господства русского царизма.

Российский «военно - феодальный» империализм опирается в своей политике на феодальные элементы Абхазии, русское крепостническое государство стремится заключить тесный блок с феодальной верхушкой в Абхазии.

В первый период русского господства (до 30-х годов) «непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что было целью для португальцев и голландцев XVII века — прямой грабеж» (М. Покровский).

Поэтому сначала русский царизм стремился даже укрепить абхазский феодализм, так как консервация этого способа производства в условиях блока с абхазскими феодалами облегчала процессы «первоначального накопления».

И мы видим, как, при поддержке русских чиновников и благодаря росту товарно - денежных отношений, в Абхазии усиливается феодальный гнет, шире распространяется крепостная зависимость, увеличиваются нормы феодальной эксплуатации. Но рост товарного хозяйства подрывает основы феодального способа производства. Абхазия уже нужна для России, как рынок промышленного сырья. Феодальные производственные отношения в Абхазии взрываются развитием производительных сил.

Этот процесс разложения феодального производства в Абхазии венчается русскими чиновниками, проведенной в 1870 году крестьянской реформой. Но разложение феодального хозяйства и по-реформенная история Абхазии, а значит в целом крушение феодального строя в Абхазии — это материал следующей нашей работы на тему «Крестьянская реформа в Абхазии».

Заключение

Существование феодализма в Абхазии несомненно.

Правда, в Абхазии мы не находим условного землевладения, системы бенефиций, секуляризации, оформленного иммунитета и коммендации, сложного вассалитета, рыцарского кодекса и т. п.

Но отрицать на этом основании феодализм в Абхазии — значит метафизически подходить к историческим явлениям. Необходимо диалектическое единство идеи и явления, чтобы понять конкретное проявление тех или иных общественно - экономических формаций в данной стране.

Но по поводу диалектического понимания именно феодализма имеется прекрасное место у Энгельса. Он пишет:

«Разве когда-нибудь феодализм отвечал своей идее. Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежским завоевателем, еще дальше усовершенствованный французскими норманами в Англии и Южной Италии, он приблизился всего ближе к своей идее в эфемерном Иерусалимском государстве, которое оставило после себя в Иерусалимских Ассизах карскаческое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине, на короткое время и то, большей частью на бумаге». (Письмо Энгельса к Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г. Цитировано по «Рев. Восток», № 2, 1927).

Напрасна и недостойна марксиста погоня за «чистым» феодализмом. «Чистого» типа, абстрактного, оторванного от конкретной обстановки, не пайти ни в Грузии, ни в России, ни во Франции.

Поэтому можно твердо заявить: абхазский феодализм — не фикция, а исторически существовавшая реальность, хотя феодализм в Абхазии и имел свои характерные особенности.

Эти особенности имеют причиной слабое развитие производительных сил, замедленное на протяжении столетий иноземным вмешательством и колонизаторскими захватами самого производительного района Абхазии — побережья.

Эти особенности характеризуются, главным образом, тем, что в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового и племенного строя.

Но все же феодализм, как определенная, основанная на антагонизме, система в Абхазии существовал и развивался именно благодаря своим внутренним противоречиям: благодаря антагонизму между производительными силами и натуральным характером производства, антагонизму между

крупным землевладением и мелким крестьянским хозяйством, антагонизму феодальных процессов присвоения прибавочного продукта и патриархальной оболочкой этого присвоения, благодаря классовым противоречиям феодалов и зависимого крестьянства и, наконец, благодаря внешнему противоречию феодальной Абхазии и иноземными захватчиками (Византия, итальянцы, Турция, Россия).

Феодальные пережитки, в силу целого ряда исторических причин, сохранились в Абхазии и до наших дней.

Отсталая техника, слабое трудовое использование природных богатств, господство натуральных сел.-хоз. культур, низкая товарность крестьянского хозяйства, земельные споры, феодально-родовые моральные представления о кровной мести, о «чистоте» фамилии, о позорности занятий торговлей и промышленным трудом, — все это тяжелым грузом висит на ногах Советской Абхазии, шагающей по пути социализма.

Феодальные пережитки — тормоз социалистического строительства.
Борьба с ними — наша боевая задача.

Использованная литература:

1. Маркс.— «Капитал», т. I и III.
2. Его же.— «Нищета философии».
3. Маркс и Энгельс.— «Коммунистический манифест».
4. Архив Маркса и Энгельса, т. I,
5. Энгельс.— «Анти Дюринг».
6. Его же.— «Происхождение семьи и т. д.».
7. Ленин.— «Собрание сочинений, т. XIX.
8. Ковалевский, М.— «Родовой быт». 1905.
9. Его же.— «Закон и обычай на Кавказе». Москва, 1890.
10. Дубровский.— «К вопросу о сущ. азиатского способа и т. д.». М. 1890.
11. Дубровин.— «История войны и владычества рус. на Кавказе», т. I, 1871.
12. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, т. I. 1867.
13. Торнау.— «Воспоминания кавказского офицера». 1835.
13. Рожков, Н.— «Русская история», т. I.
15. «Адаты кавказских горцев», I, O. 1882.
16. Броневский.— «Новейшие известия о Кавказе». М. 1823.
17. «История классовой борьбы в Закавказьи». Об. КУ, Тифлис. 1930.
18. Кучаев.— «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян кавказского края. 1880.
19. Яковлев.— «Языки и народы Кавказа». Т. 1930.
20. Гулия, Д.— «История Абхазии», I.
21. Ашхацава.— «Пути развития абхазской истории». 1925.
22. Басария.— „Абхазия“. 1923.
23. Кудрявцев.— „Сборник материалов по истории Абхазии“.
24. Вишневецкий.— „Феодализм в Крымском ханстве“. 1930.

25. С к и т с к и й.—„Холопий вопрос и анти-русское движение кабардинских князей“. 1930.
 26. К а б а к а д з е.—„Черты феодального строя в Грузии“. Тифлис. 1912.
 27. Ш о х о р.—„Пережитки родового быта“. 1930.
 28. Труды сухумской сословной комиссии. 1869.
 29. Акты кавказской орхеорг. комиссии.
 30. П о к р о в с к и й.—„Русская история“, том I.
 31. Труды I конференции историков-марксистов.
 32. Т а х т а р е в.—„Сравнительная история человеческого общества“.
 33. П л е х а н о в.—„К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. Соч. VII.
 34. А в а л и а н и.—„Крестьянский вопрос в Закавказьи“. II. О. 19 3.
 35. Сборник сведений о кавказских горцах, V и VI.
 36. „Путешествие Шардена по Закавказью“. Тифлис. 1902.
 27. Э н г е л ь с.—„Диалектика природы“.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
От автора	5
Введение	7
Генезис абхазского феодализма.	10
Экономика абхазского феодализма	15
Политический строй абхазского феодализма.	26
Заключение	37
Использованная литература	38
